

Хэ Е снова посмотрел на Чжоу Синьи. Говорить ему не хотелось, но как один из присутствовавших он был обязан изложить факты. Пришлось быть откровенным: «Я уже говорил: когда я вошёл, то действительно увидел, что они обижают Рань».

«Это мы все слышали», — кивнул Чжоу Синьи, ожидая продолжения. Ждали не только он — казалось, каждое слово Хэ Е сейчас имело особый вес.

Хэ Е ненадолго замолчал, затем продолжил совершенно открыто: «После того как я бросился к Рань, почти следом вошли господин Чжоу и господин Чжао Ши, и тогда этих двоих попросили удалиться».

Чжоу Синьи рассмеялся. Искренне.

«Когда мы вошли, те двое действительно стаскивали с мисс Чжан одежду! Увидели нас — и тут же драпанули!»

Хотя Хэ Е прямо и не назвал троих официантов лжецами, смысл был прозрачен: если незнакомцев уже успели вывести люди Чжоу Синьи, как же они могли «увидеть и драпануть» при появлении официантов?

Лицо Гао Сичжи потемнело.

Выражение лица Хэ Е было сложным, а голос — холодным, без единой ноты тепла. «Простите, но лгать я не могу».

«Зачем ты это затеял? — Хэ Е смотрел прямо на Гао Сичжи. — Ты подговорил Рань намеренно провоцировать Чжоу Синьи, чтобы вынудить его перейти грань, а потом устроить разоблачение на месте... Но ты подумал о безопасности Рань?! — Его голос стал жёстче. — Ты знаешь, на что способен Чжоу Синьи? Что, если бы с Рань что-то случилось?!»

Фан Шэнда был потрясён и с недоверием уставился на Чжан Жань. Та молча опустила голову, всхлипывая и слушая дальше.

«Ты же мне обещала?» — спросил её Хэ Е, но, не дожидаясь ответа, тут же добавил:

— «Мне претят подобные методы».

Чжан Жань, закусив от обиды губу, призналась: «Это Сяо Гао меня надоумил. Сказал, начальник службы безопасности этой кофейни — его друг, он может и запись контролировать, и вовремя ворваться меня спасти. Мол, нужно лишь немного потерпеть... чтобы помочь тебе...»

«Не говори, что ради меня, — мягко, но твёрдо прервал её Хэ Е. — Я бесконечно благодарен тебе за твои чувства, но я не хочу, чтобы кто-либо ради меня опускался до такого».

Чжан Жань замерла.

«Всё из-за тебя! — вдруг вырвалось у неё, и она закричала, срываясь на шёпот. — Потому что я люблю тебя! Потому что он тебя ранил! Потому что ты его ненавидишь! — Выплеснув это, она снова понизила голос и тихо продолжила:

— Для меня причинить тебе боль — самое непростительное. Тот, кого ты ненавидишь, наверняка последний негодяй на свете. Поэтому я готова на всё, чтобы отомстить ему. Но ты...»

Любовь Чжан Жань была отчаянной и безоглядной. При любых обстоятельствах она могла крикнуть о ней во весь голос, готова была на любую жертву. Даже множество отказов не охладили её искреннего пыла. Эта смелость и упорство действительно трогали Хэ Е, но одновременно давили на него невероятной тяжестью.

Хэ Е невольно взглянул на Чжоу Синьи и многозначительно произнёс: «Раз уж ты знаешь, что я его ненавижу, не уподобляйся ему. Я не хочу, чтобы ты — или кто-либо другой — опускался до его уровня из-за ненависти».

Чжоу Синьи понимал: хотя Хэ Е смотрел на него, слова эти были адресованы Чжан Жань. Он не удержался от усмешки и с горькой самоиронией произнёс: «Верно. Адвокат Хэ — человек, за которым мне на самом быстром скакуне не угнаться и за восемьсот лет».

Хэ Е ответил лёгкой улыбкой: «Господин Чжоу, прошу вас, не ставьте меня с собой в один ряд».

«Значит, и со мной ты в один ряд становиться не желаешь?» — неожиданно вклинился Гао Сичжи.

«Я не это имел в виду, — нахмурился Хэ Е и спокойно продолжил. — Ты и сам задал вопрос: "Зачем для перевязки двое?" Если Чжоу Синьи не хотел причинить Рань вреда, зачем тогда создавать ситуацию, которая нас всех введёт в заблуждение?»

Гао Сичжи выглядел озадаченным.

«Хватит, — сказал Хэ Е. — Чем дальше, тем хуже для тебя». Затем он снова повернулся к Чжан Жань:

— «Рань, ты твердишь о любви ко мне, но никогда по-настоящему не пыталась понять. Ты же должна знать, насколько мне отвратительны подобные поступки».

На душе у Чжан Жань стало ещё горше, и она не могла вымолвить ни слова. Фан Шэнда не выдержал: «Не дави на неё так! Рань отдала тебе всё до последней капли! Ты сам понимаешь, что могло бы случиться, если бы Чжоу Синьи действительно что-то задумал! Она пошла на такой риск! Ты подумал о её чувствах?»

Слово неожиданно взял Чжоу Синьи.

«Думал, наверное. Больше всего адвокат Хэ, должно быть, беспокоился о том... — Чжоу Синьи с улыбкой посмотрел на Гао Сичжи и уверенно закончил:

— ...успеет ли господин Гао вовремя прийти на помощь?» — Слово «вовремя» он произнёс с особой выразительностью.

Гао Сичжи тут же вспыхнул и резко парировал: «Чжоу Синьи! Хватит строить догадки и поливать меня грязью!»

«Будь я на твоём месте, я бы отлично понимал: даже самое тяжкое преступление, если оно не доведено до конца, может иметь иную квалификацию. Покушение на групповое изнасилование — дело одно, а уже совершённое насилие, да ещё со смертельным исходом — совсем другое». Закончив, Чжоу Синьи стёр улыбку с лица.

Гао Сичжи нахмурился, по его виску скатилась капля пота. В сравнении с Чжоу Синьи он, возможно, и уступал в расчётливости и изощрённости, в хладнокровии и выдержке. Но в

бессердечии и жестокости он определённо мог его превзойти. Чжоу Синьи тоже использовал своих людей, но никогда не приносил их в жертву и не бросал на амбразуру ради собственных целей.

Чжан Жань тут же вскочила на защиту: «Неправда! Он же ворвался меня спасать! Он не такой, как ты говоришь!»

«Дурочка, — это обращение сразу выдало говорящего. Голос Хуан Гана приближался, и вскоре он сам появился в дверях в компании Ван Яньшуан, с беззаботным видом подходя к Чжоу Синьи. — Он ворвался, потому что Синьи уже всё прекратил. Да и вообще, мы с тобой болтали уже порядочное время, даже Хэ Е и Синьи успели зайти, а уж потом твой Сяо Гао дал команду этим официантам вломиться и сделать грозный вид. Это ты называешь "вовремя"?» — Он криво усмехнулся, обращаясь к Чжоу Синьи:

— «Я вернулся, всё в порядке. Только, блин, больно же».

Чжоу Синьи вопросительно взглянул на Ван Яньшуан. Та почтительно доложила: «Всё в порядке, рана обработана как следует. Прошу господина не волноваться».

Вид Хуан Гана лишь разозлил Чжан Жань ещё больше: «Всё равно я тебе не верю! Я верю, что Сяо Гао не поступил бы со мной так!»

«И я не верю!» — твёрдо поддержал Фан Шэнда.

«Не в этом суть! — рявкнул Гао Сичжи, обрывая их. — Верьте или нет — мне нечего добавить».

Он достал телефон и быстрыми движениями набрал номер. Разговаривая, он не сводил злобного взгляда с Чжоу Синьи.

Для Чжоу Синьи этот взгляд не представлял никакой угрозы. Сохранять спокойствие в любой ситуации было для него не просто навыком, а второй натурой. Но Фан Шэнда редко оказывался в подобных передрыгах. Глядя на Гао Сичжи, он вдруг почувствовал, как у него зашевелились волосы на затылке, и впервые усомнился в правильности своих действий.

Фан Шэнда был человеком, для которого дружба значила очень много. Именно из-за дружбы с Хэ Е он возненавидел Чжоу Синьи и был готов пойти на некоторые «не вполне чистые» методы, лишь бы насолить ему и защитить товарища. Но если слова Чжоу Синьи соответствовали истине, то его поступки уже никак нельзя было назвать просто «не вполне чистыми»...

Фан Шэнда тяжело вздохнул. Вопрос вертелся у него в голове: кому верить? Другу? Или врагу?

Причём врагу, который мастерски играл роли и умело сеял раздор.

Он сам себе ответил, и на душе стало немного легче, а уверенности прибавилось.

Хэ Е нахмурился. Увидев, что Гао Сичжи закончил звонок, он подошёл к нему и тихо, чтобы слышал только он, сказал: «Я же тебя предупреждал — с Чжоу Синьи шутки плохи. Ты хочешь, чтобы он тебя добил окончательно?»

«Ха-ха! — громко рассмеялся Гао Сичжи и с вызовом спросил:

— А почему ты решил, что добьют именно меня? Ты можешь презирать мои методы, но как адвокат ты должен знать: закон требует доказательств. А вещественные доказательства — вещь

полезная, не так ли?»

<http://bllate.org/book/15947/1425631>